

РАССКАЗ РАБЫ БОЖИЕЙ НАТАЛЬИ О ЕЕ КРЕСТНОЙ – ЕЛЕНЕ ИВАНОВНЕ РЕЗИКОВОЙ

Елена Ивановна Резикова родилась в 1868 году и происходила из благочестивых крестьян села Кривозерье. О юности и зрелых годах этой подвижницы мы не имеем никаких сведений. Видимо, она жила при родителях, ходила на моления во Владимирскую церковь села Кривозерье и в женский монастырь; умела читать и писать. В марте 1912 года, когда Елене Ивановне было уже 44 года, она поступила на послушание в Пензенский Троицкий женский монастырь, где была назначена старшей в ризнице.

Ревнительница благочестия Елена Ивановна Резикова всегда вела активную церковную жизнь, оставаясь на твердых позициях православия даже с приходом советской власти. 9 декабря 1919 года в составе женской общины она принимала участие в Собрании православных церковно-приходских советов города.

Собрание происходило в помещении Никольской церкви под председательством упоминавшегося выше священника Александра Беляева, и было посвящено мерам по борьбе с движением Путьты.

Вот и все официальные сведения о рабе Божией Елене, найденные в документах пензенского архива. Теперь же предоставим слово ее крестнице Наталье. Ее безыскусный рассказ о дальнейшей мученической судьбе своей крестной – Елены Ивановны, написан не словом, а прожитым страданием.

«В городе Пензе Девический монастырь был весь огорожен тяжелой чугунной оградой, и все его корпуса, которые и до сего времени стоят. Ворота охранял старенький старичок, который и запирали их на замок, а ключи относил игумении. Около ворот была приставка, на которой стояли три ангела – Михаил, Гавриил и Рафаил; на них было очень красивое одеяние. И корпус Крестной (где жила Елена) был 50 метров от этого святого места.

Мои родители жили в с. Кривозерье, примерно 3 остановки автобусом от этого монастыря, и Крестная к нам ходила очень часто, так как у нее была мать – моя бабушка. Еще она ходила, когда не было дождя, и она нас всех детей собирала и все пели: «Даждь дождь земле жаждущей, Спасе», и прольет дождь ведром, и она даст всем по маленькой конфетке. И мы все, дети, ее встречали и кричали: «Идем, Крестная».

Потом у них умерла матушка Манефа, и она к нам пришла и сказала маме: «Сестрица, испеки пироги с капустой, а ты, Миша (это был ее брат и мой отец) – привези». Когда все случилось, меня отец первый раз взял с собой (в монастырь), шел пешком, чтобы не помять пироги. Они были ржаные, белой муки не было (это было в 1918 году). Я все замечала дорожку, чтобы самой убежать в монастырь. Бывало, когда родители приедут с поля, убьют скотину, поужинаем, я убегала в монастырь ночью. Но ворота были закрыты, а ключи у игумении. Крестная пойдет к игумении, возьмет ключи и меня проведет, но не ругала, а игумения говорит: «Елена Ивановна, отбери у брата девочку и возьми в монастырь». Но меня не отдавали, как бы я не бегала, потому что родился младший брат, надо было с ним сидеть и телят поить, и цыплят кормить. Семилетнего возраста я знала всю скотину и очень любила, особенно, ягнят, и меня все знали, и ко мне все бежали из стада.

А когда пришла Крестная к нам домой и сказала моему отцу (своему брату): «Миша, построй нам келью, монастырь разрушают», – это была моя радость, что я буду с Крестной. Когда они переехали, я очень часто находилась в келье, училась вязать платки, стегать одеяла, вышивать, да и молились они Богу – каждый день ходили в храм, а к Пасхе собирали девочек и чистили иконы и делали веточки. Я не знала подруг и веселья. За работу они денег не брали ни у кого, брали молоко или у кого что есть.

Рядом с нами жила одна девица, очень красивая, она принесла беремья дров и положила к печке, и из этих дров выкатился клубочек шерсти. Она его подняла и запела петухом. Пришла Крестная, отчитала ее, и все прошло. И еще одна женщина пожилая подняла подкову, которой ковали лошадей, пришла домой с подковой и упала, и ходила вверх животом, ползала на спине, и тоже Крестная ее отчитала. Меня в это время она отсылала домой, и я уходила, а однажды залезла на печку и притаилась там, и была без памяти. Потом кричала как страшно порченная, на разные голоса. Крестная меня поругала, зачем я это сделала.

Когда я училась вязать платки, очень туго мне это давалось, а Крестная была строгая – иногда и поплачу, да опять иду к ней. Я ее очень любила. Когда она про Господа Бога рассказывала, то очень горько плакала и рассказала мне, как однажды была приговорена к расстрелу. Когда еще жили в монастыре и стали закрывать церкви, ее келья была близко к храму. Священники спрятали под келью все, что было церковное и золотое. Священники, верно, кто-то выдал и все нашли, взяли Крестную, но она ничего не знала, и ее осудили расстрелять. Тогда она попросила проститься с матерью и ей разрешили, а мать была верна Богу и она в решетку молитву ей передала, сказав: «Дочь, читай и читай, не спи и не ешь. *«Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его»*. И подошли часы, в 12 часов ночи вызывают: «Резикова Елена Ивановна», и она вышла, а сама все читала и читала молитву и ей не открыли дверь по левую сторону, а открыли по правую, сказав, что она свободна. Ноги не шагали, дошла до монастыря, и все послушки радовались и плакали. Это было в 1919 году. И вскоре она (Елена Ивановна) приехала к нам в келью, которая была готова, и жили в ней 10 лет.

И вот наступил 1930 год, и было 20 марта – гонение на веру. Отец мой был старостой церкви, и у нас взяли корову, овец, ло-

шадь, а мы жили не богато. Домишко был с тремя окнами, обмазанный глиной, 1 корова, 2 лошади, 5 овец, и все забрали в колхоз. Но нас в колхоз не взяли, там такие и с такой верой не нужны. Отца угнали пилить лес, а к нам приехали ночью 3 мужика. Нас было четверо: мама, я, сестра и младший брат – 10 лет, через которого меня не пускали в монастырь. Нас увезли прямо на Пензу III и ничего не дали взять, а потом отца привезли. Крестная (с кем-то) шли в церковь, и их взяли на дороге и тоже привезли на Пензу III, и тоже пустых. Им принесли какого-то хлебушка, и какие-то матушки принесли смертные одежды.

Мы были на III-й Пензе 3 дня, а на четвертый – нас посадили в телячьи вагоны, сделанные из холодных и тоненьких дощечек, и повезли, куда не знаю. Ехали 23 суток, на 3-и сутки после отъезда дали хлебушка – 2 каравая и делили их как просфору. Крестная поселилась под нарами, и я с ней, и всю дорогу пели: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного» и «Богородице Дево...». Это был пост – что они ели-пили? Воды давали 1 ведро на вагон, а потом доехали до Уфы и дали 1 ведро ухи с красной кетой, очень соленой, а воды не давали сутки. На станции кричали в маленькую форточку: «Дайте воды детям». Одна женщина подала бидончик воды, а конвоир увидел и стал бить ее ружьем.

Дальше ехали вокруг Амура. Береговой край был очень близок, и сам машинист сказал, что чудом прошел поезд. Ехали сутки, а когда переехали Амур, тут открылись двери и выпустили всех на волю. Все стали оправляться и сбрасывать вшей и клопов. Привезли в глухую тайгу, и надо было идти 10 километров ночью до того места, где мы должны погибнуть. Но многие не могли идти, ведь ходили в лаптях, а в лесу была вода. Шли всю ночь, и было 2 трактора, а людей было 2 тысячи (дети и старые ехали на тракторе). Было это накануне Христовой Пасхи.

Поселили нас в бараках с лошадьми, даже дерьмо не убрали. На утро Крестная запела «Христос Воскресе» и все плакали и падали, но крестная всех успокаивала – «не плачьте», а к вечеру нам всем дали по 100 г хлеба, благо рядом был ключ воды. На следующий день объявили, чтобы все шли пилить кедры. Пилы были два метра, а кедры – которые и по 700 лет. Из двух кедров выкладывали 8 кубометров. Нужно было спилить, расколоть и сложить в штабель вдвоем, тогда дадут 400 граммов хлеба и 500

граммов овса; хлеба – на сутки, овса – на 5 суток. Мы со снохой выработывали норму с помощью Господней. Вечером я приходила в барак, и мы с Крестной уходили в лес и пели молитвы и глотали горькие слезы, но мне и там было хорошо с Крестной. Она меня очень просила, чтобы я не выходила замуж нигде, если буду жива, и еще сказала: «Нота, на вас на всех венцы».

И вскоре эпидемия тифа началась, и все повалились от голода, и был врач Корней Маркович. Он вызвал из Хабаровска доктора, и тот приказал освободить барак (убрать лошадей) и поместить туда тифозных больных. Это было через речку. Спилили два кедра, сделали мост. Я заболела, мой брат – 10 лет и еще многие. И моя Крестная, чтобы не расставаться со мной, просила доктора, чтобы остаться ухаживать за нами. И моя мама сильно болела, как надо было умереть, и в памяти хотелось умереть, но многие были без памяти. За 1 год нас осталось 100 человек.

Это был 1931 год. И мы жили в общих бараках, а старые отдельно. Часто ходили с Крестной в лес, и она часто мне говорила:

– Нота, не выходи замуж, если будешь жива.

Я ей говорю:

– Крестная, ведь я неграмотная.

– Господь научит, я тоже не училась. Нота, я вижу на вас золотые венцы.

Потом меня взяли работать прачкой в детдом, где были сироты. А вскоре случилось горе. Крестная моя несла дрова, чтобы потопить печь, упала и ушибла селезенку. Лежала в больнице недолго, с полмесяца, а 15 февраля умерла, на Встретение Господне. Она перед смертью видела на небе Господа, кричала сестре своей, Вере Ивановне: «Вера Ивановна, посмотри, Господь Саваоф на небе» и крикнула Бога: «Господи!» и кончилась. Вера же никого не видела. Она позвала меня, и мы с ней мертвую крестную несли лесом в барак. Бросим на снег, наплачемся и опять понесем. Потом на кладбище возили на салазках.

Я день работала, а ночь сидела у окна и ждала Крестную, и горько плакала, и просила ее: «Возьми меня к себе, я без тебя жить не хочу». А потом как-то задремала, и она мне сказала: «Нота, я тебя не возьму, ты у нас осталась одна». Я долго думала, почему, ведь есть сродники? А когда приехала в Россию и очень часто ходила в храм, это было в 1934 году, и не вижу сродства в храме, и только тогда поняла, что я осталась одна...».